

СВЯТАЯ
ВЕЛИКАЯ
КНЯГИНЯ
ЕЛИЗАВЕТА

Татьяна Копяткевич
Святая великая княгиня Елизавета

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5629928
Святая великая княгиня Елизавета: Сибирская Благовонница; Москва; 2012
ISBN 978-5-91362-571-7*

Аннотация

В 1992 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви прославил в лике новомучеников и исповедников Российских преподобномученицу великую княгиню Елизавету. В этой книге рассказывается об удивительном жизненном пути этой женщины, приведшем ее из маленького немецкого герцогства в Россию, где Господь сподобил ее сначала принять Православную веру, а затем и претерпеть мученическую кончину, даровав ей венец победы над немощью и смертью.

Содержание

Русская по духу	5
Глава 1	6
Детство	6
Характер Эллы	9
Первые испытания	13
Брак	15
Глава 2	23
Начало семейной жизни	23
Путь к Православию	29
Паломничество на Святую Землю	32
Переход в Православие	35
Глава 3	40
Первая леди Москвы	40
Благотворительность и меценатство	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Святая великая княгиня Елизавета

Автор-составитель Татьяна Копяткевич

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Русская по духу

Святой Елизавете Федоровне принадлежит особое место в русской истории. Ее прекрасный светлый образ привлекает все больше внимание наших современников, и изображение ее на иконах можно увидеть сегодня во многих церквах. Великая княгиня Елизавета почитается русским церковным народом как одна из величайших и любимых подвижниц последнего времени.

У каждого человека в жизни есть собственный путь. Им он либо спасается, либо проживает жизнь себе в осуждение – все зависит от того, как именно распорядится человек своими жизненными обстоятельствами. Жизненный путь великой княгини Елизаветы Федоровны похож на захватывающий роман, полный удивительных поворотов судьбы и внезапных потрясений. С самого детства у нее было все, что только может пожелать человек: знатность, богатство, поразительная красота, любящая семья. Казалось, что ее никогда не должно коснуться ни горе, ни нужда, ни забота. В том, что этой красивой, не по-детски серьезной девочке предначертана судьба, родственники не сомневались. Никто, да и она сама, не мог и предположить, что в далекой северной стране ее ждет тяжелый труд медицинской сестры, ранняя смерть любимого человека и сияющий мученический венец, на который она променяет свой великокняжеский титул. Если бы ей, уроженке маленького и уютного немецкого герцогства, сказали, что большую часть своей жизни она проживет в другой стране, среди метелей и снегов, и только летом чужая земля будет зеленью напоминать ей мягкость любимых ею холмов, она не поверила бы. Но Промысл Божий привел ее в Россию, которую она приняла всем сердцем и полюбила настолько, что разделила веру и судьбу своей новой родины и, нерусская по происхождению и лютеранка по воспитанию, стала подлинно русской по духу.

Став православной, она, как евангельский купец, обретший многоценный бисер, все силы своей сострадательной души устремила на помощь бедным, больным и обездоленным, создав из своей души как бы дом Лазаря, где живут Мария – созерцательная молитва ко Христу Спасителю, и Марфа – деятельная сострадательная любовь к ближнему.

Даже перейдя в Православие, княгиня не изменила своего имени. Это значит, что основание духовного подвига, совершенного ею, оставалось единым всю ее жизнь. Имя «Елизавета», в переводе с древнееврейского языка, означает «почитающая Бога». Благоговейное почитание Бога и любовь ко всему Божию – вот главные качества великой княгини, помогавшие ей при всех переменах жизни. В духовном подвиге ее мы видим соединение разных путей святости – она и благоверная княгиня, и праведница, и преподобная, и мученица. Она потрудилась на каждом из этих путей, оставив нам пример жизни по Евангелию.

Ее жертвенное служение бедным, больным и сиротам, ее искренняя любовь к Богу и к Православной Церкви и сегодня пробуждают наши души, напоминая нам о нашей ответственности перед Богом за себя, за своих близких и за свою страну. И ныне, душой пребывая в Небесном Иерусалиме, куда она так стремилась, а мощами почивая в Иерусалиме земном, великая княгиня Елизавета продолжает дело милосердия, начатое при жизни, помогая всем с верой прибегающим к ее молитвенной помощи и защите и предстательствуя за свою вторую родину, наше многострадальное Отечество перед Престолом Божиим.

Святая преподобномученица великая княгиня Елизавета, моли Бога о нас!

От редакции

Глава 1 Принцесса Гессен-Дармштадтская

Детство

Елизавета Александра Луиза Алиса Гессенская и Рейнская (по-домашнему Элла) родилась 20 октября (1 ноября) 1864 года в Дармштадте, столице Гессен-Дармштадтского герцогства, в одном из древнейших историческом и культурном центре Германии. Англичанка по крови, протестантка по воспитанию, русская святая преподобномученица Елизавета Федоровна была вторым ребенком в семье великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвиг IV и принцессы Алисы, дочери королевы Английской Виктории. Еще одна дочь этой четы – Алиса – стала впоследствии российской императрицей Александрой Федоровной.

Великий герцог Гессен-Дармштадтский Людвиг IV с супругой и двумя дочерьми (Елизавета справа). 1866 г.

Дух семьи, в которой воспитывалась маленькая Элла, на всю жизнь оказал на нее неизгладимое влияние. Родители проводили все свое время в помощи нуждающимся, большая часть всего их состояния была потрачена на благотворительные нужды. Великий герцог Гессен-Дармштадтский Людвиг IV был добрым, деятельным и простым человеком, а его супругу, принцессу Алису, соотечественники даже называли Принцессой-Ангелом. Она старалась благотворить всем, независимо от сословий и социального положения. Первый женский лицей в Дармштадте, первый родильный дом, больница, высшее женское образование – все эти начинания, которые теперь кажутся нам столь привычными, закрепились во многом благодаря неустанным трудам и заботам дочери королевы Виктории, принцессы Алисы Великобританской. (Кстати говоря, последняя русская царица Александра, младшая сестра Эллы, первой среди европейских женщин получила диплом доктора философии Оксфордского университета.) Несмотря на то что принцесса Алиса умерла довольно рано, она успела оставить глубокую память в сердцах своих соотечественников. В знак благодарности за ее труды жители Дармштадта возвели ей памятник в центре города с надписью: «Алиса – незабвенная великая герцогиня. От женщин и детей Дармштадта». Деньги на него были собраны горожанами, для которых Алиса Гессенская создавала различные благотворительные общества и сама участвовала в их работе. Именно в лице матери Эллы был явлен высочайший пример служения людям, верности выбранному пути и необходимости воплощать задуманное.

Мать внимательно следила за развитием талантов и склонностей каждого из своих детей и старалась воспитать их на твердой основе христианских заповедей, вложить в сердца любовь к ближним, особенно к страждущим, терпеливо учила их состраданию и заботе о бедных и обездоленных. Она любила повторять, что Господь благословил труд и бедность, но более всего любовь и сострадание к ближним, и в соответствии с этим своим убеждением воспитывала своих детей. «Бог посылает человеку испытания, и никто на земле не может быть уверен, что ему достанется безоблачная жизнь...» – говорила она детям.

Дети постоянно ездили с матерью в госпитали, приюты, дома для инвалидов. Сюда Элла привозила большие букеты цветов, разносила их по палатам больных и ставила в вазы, а также училась азам практической медицины – антисептике, хирургии, десмургии (искусству перевязки), акушерству.

Детей в семье было семеро: сестры Виктория, Елизавета, Ирена, Аликс (будущая русская императрица Александра Федоровна), Мария († 1876 год) и два брата: Эрнст Людвиг и Фридрих († 1873 год). Воспитывали их в простоте, строгости и трудолюбии, жизнь семьи проходила по строгому распорядку, установленному матерью. Подъем вне зависимости от времени года в 6 часов утра, начало занятий – в 7 часов. Первый завтрак – в 9 часов, затем в любую погоду обязательная прогулка. В 2 часа – обед, в 5 часов – традиционный английский чай. Шоколад дети видели только после причастия, церковь посещали два раза в неделю. Режим этот соблюдался железно и не нарушался никогда.

Семья великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV. 1876 г.

Одежда и еда детей были самыми простыми. Старшие дочери сами выполняли домашнюю работу: убрали комнаты, постели, топили камин. «Нас с государыней учили всему», – впоследствии говорила Елизавета Федоровна о себе и сестре, царице Александре.

Характер Эллы

Вторую дочь в семье великого герцога Людвига IV и принцессы Алисы назвали Елизаветой в память прославленной основательницы их рода, покровительницы Тюрингии и Гессена, святой Елизаветы Тюрингенской. На формирование характера будущей православной подвижницы сильное влияние оказал пример этой католической святой. И действительно, многие черты характера и биографии будущей русской великой княгини роднят ее с этой святой XIII века, жизнь которой словно бы повторяет ее судьбу. Это счастливый брак и раннее вдовство (муж погиб от чумы во время Крестового похода, куда отправился в знак покаяния), непонимание со стороны светского окружения, изгнание из собственного замка и жизнь, проведенная в служении ближним, бедным, обездоленным и больным, щедрая благотворительность. Святая ландграфиня Тюрингская основывала больницы и госпитали и самолично ухаживала там за больными, готовила для них пищу и мыла посуду, заботилась о прокаженных и брошенных детях и закончила жизнь настоятельницей основанного ею сестричества, устав которого предписывал сестрам молитву и работу, заключающуюся в помощи немощным и бедным. Душа будущей великой княгини с самого детства была пленена светлым образом ее великой прабабки, и она во всем старалась подражать ей.

Росла Элла тихой и послушной, хотя иногда могла проявить и строптивость, происшедшую от желания преодолеть неуверенность в себе, – девочка была очень застенчива. Сплетни и пересуды не любила: «Мне достаточно того, что я хорошо знаю себя», – говорила она. С самых ранних лет ее отличала недетская требовательность к себе – когда ее за что-нибудь хвалили, она неизменно отвечала: «Я слишком торопилась, иначе вышло бы совсем хорошо». При этом казалось, что в ней не было ни капли эгоизма. Очень часто на какое-нибудь заманчивое предложение она отвечала: «Мне не надо, пусть это будет лучше для других».

С сестрой Иреной (слева)

О принцессе Элле все говорили, что она не от мира сего: всегда помогает попавшим в беду, никогда никого не осуждает и старается найти оправдание ошибкам других. Когда брат Эрнст поинтересовался ее жизненными идеалами, Елизавета ответила просто: «Быть совершенной женщиной, а это самое трудное, так как надо уметь все прощать».

С ранних лет жизни Элла отличалась какой-то недетской вдумчивостью, благодаря чему в юности выглядела гораздо старше своих лет (как-то она даже пожаловалась брату на то, что слова мешают ей думать, а люди привыкли слишком быстро отвечать на вопросы друг друга), тонкой душевной организацией и сильной, почти болезненной впечатлительностью. Свои неудачные рисунки она «хоронила», приходя в ужас при одной мысли, что можно порвать и выбросить то, во что было вложено столько души, и расстраивалась до слез, когда вяли букеты, цветы для которых она во множестве собирала в саду. Когда была совсем маленькой, жалела свои банты – на ночь всегда клала их рядом с собой, заботилась о том, чтобы «ее милому бантику не было так скучно и твердо лежать», и очень боялась, что ночью кто-нибудь «заберет беззащитное существо и утащит в темную нору». Часто утром мать заставляла дочь с бантом, судорожно зажатым в руке.

Сначала ее участие в благотворительности матери было по-детски бессознательным – Элла послушно ездилась вместе с матерью в госпиталь на Мауэрштрассе, а вечерами увлеченно играла «в больницу». Она рассаживала на кукольные диванчики своих кукол и начинала прием. Младшие были сестрами милосердия: накладывали повязки, давали больным лекарства. И Элла относилась к этому делу со всей серьезностью, хотя это была всего лишь игра. Но затем помощь слабым и беззащитным стала ее твердой жизненной позицией, которой она не изменит до конца своих дней.

На чувствительную Эллу зрелище чужих страданий производило иногда настолько тяжелое впечатление, что мать испугалась за душевное здоровье дочери и решила больше не травмировать ее. Реакция Эллы на это была неожиданная – она обиделась. «Почему ты не взяла меня с собой в госпиталь? – говорила она. – Я уже взрослая и все понимаю. Вчера я уколола себя булавкой так сильно, что появилась кровь. Но я не испугалась и терпела. Было очень больно. Но я думаю, что боль, которую я сама себе причинила, – это совсем не та боль, которую может послать Господь. Я молю Бога, чтоб Он послал мне боль и я смогла доказать тебе и Ему, что выдержу любое испытание. Если, конечно, Он пообещает, что душа и в самом деле останется в неприкосновенности».

Интересы ее были очень разносторонни. Помимо серьезных богословских занятий, увлекалась рисованием, музыкой (она играла на рояле), танцами, тонко понимала прекрасное, очень любила природу, особенно цветы, которые с увлечением рисовала и раздаривала знакомым, приносила домой, создавая из них неповторимые композиции для этюдов. «Игра в цветы» на всю жизнь будет одновременно и любимейшим ее занятием, и отдыхом. В Алапаевске, уже перед своей мученической кончиной, она тоже много рисовала. Впоследствии она писала иконы и вышивала церковные покровы, расписывала фарфор, резала гравюры, слывла знатоком и коллекционером произведений искусства.

Архиепископ Анастасий (Грибановский), лично знавший великую княгиню Елизавету, так впоследствии описывал ее характер: «Это было редкое сочетание возвышенного христианского настроения, нравственного благородства, просвещенного ума, нежного сердца и изящного вкуса. Она обладала чрезвычайно тонкой и многогранной душевной организацией... Все качества ее души строго соразмерены были одно с другим, не создавая нигде впечатления односторонности... Ее богатые от природы дарования изошрены были широким многосторонним образованием, не только отвечавшим ее умственным и эстетическим запросам, но и обогатившим ее сведениями практического характера, необходимыми для каждой женщины в домашнем обиходе».

Заслуга в этом не в последнюю очередь принадлежит семейному воспитанию и личному примеру родителей Елизаветы Федоровны, герцога и герцогини Гессен-Дармштадтских.

Вера всегда занимала самое важное место в жизни герцогской семьи, и Элла с раннего детства была очень религиозна. К тому же то воспитание, которое давала детям принцесса Алиса, желавшая пораньше познакомить их с миром бедности и страдания, заставило Эллу очень рано задуматься над теми вопросами, которые обычно называют проклятыми – о жизни и смерти, о цели человеческих страданий. Так, однажды принцесса Алиса услышала такой поразительный разговор между своими детьми, девятилетней Эллой и ее трехлетним братом Фридрихом. Мальчик ел яблоко, а сестра, держа в руках другое большое красное яблоко, грустно говорила ему: «Посмотри, ты съел уже половину яблока. И оно уже никогда не будет таким, как вот это, которого ты еще не касался». Потом Элла объяснила матери, что хотела пораньше научить Фридриха тому, что поняла сама. «Но что ты поняла?» – с тревогой спросила мать, и Элла ответила: «Ну, что Бог может отнять у человека все. И человек может отнять. У себя или у другого. Я хочу сказать, что каждую минуту что-то у кого-то может быть отнято». В соответствии с этим она выработала и свою жизненную программу.

Детская фотография Эллы Гессенской

Первые испытания

Девочке пришлось рано познать не только тяжкий труд, но и скорби, тревоги, потери и большое горе. В 1873 году разбился насмерть на глазах у Эллы ее трехлетний брат Фридрих. Обстоятельства этой смерти были трагическими. Мальчик, вбежав в спальню матери, с разбега уткнулся в итальянское окно, начинавшееся чуть выше пола. Неплотно прикрытые створки распахнулись, и маленький Фридрих с высоты шести метров упал на каменные ступени дворца. Чудом при падении он не очень пострадал и вскоре оправился бы, если бы не гемофилия, наследственная болезнь, которую позже императрица Александра Федоровна, младшая сестра Эллы, передаст наследнику русского престола. К вечеру мальчик умер от неудержимого внутреннего кровотечения. Маленькая Элла так сильно переживала эту смерть, что в свои девять лет принесла обет целомудрия, чтобы никогда не иметь собственных детей.

А в 1876 году в Дармштадте началась эпидемия дифтерита, и заболели все дети, кроме Эллы. Мать просиживала ночи у постелей заболевших детей. Вскоре умерла трехлетняя Мария, а вслед за ней, в 1878 году, заболела и умерла в возрасте тридцати пяти лет сама великая герцогиня Алиса. С этого страшного для семьи года, после смерти дорогой мамы, на Эллу и ее старшую сестру Викторию легли заботы о своих сестрах и брате. Элле было тогда четырнадцать лет. В тот год закончилась для Елизаветы пора детства. Она всегда была очень религиозна, но теперь стала еще чаще и усерднее молиться. Всеми силами она старалась облегчить горе отца, поддержать его и утешить, а младшим сестрам и брату в какой-то мере заменить мать.

Осиротевшие сестры с бабушкой, английской королевой Викторией. Декабрь 1878 г.

Эти несчастья, обрушившиеся на семью, сформировали и закалили характер маленькой Эллы. Впоследствии многие изумлялись выдержке, терпению и необыкновенному спокойствию, которые проявляла царственная настоятельница Марфо-Мариинской обители во время самых тяжелых операций, при которых она ассистировала хирургу, среди многих испытаний, выпавших на ее долю. Многие вспоминают ее исключительную душевную доброту, одухотворенность и милосердие. Все, знавшие Елизавету с детства, отмечали ее любовь к ближним. Как написала впоследствии сама Елизавета Федоровна: «Я хочу работать для Бога, и в Боге – для страждущего человечества».

Брак

Об Элле Гессенской рано заговорили как о восходящей звезде на европейском небосводе красавиц, в Европе даже считали, что в Старом Свете есть только две признанные красавицы, и та и другая – Елизаветы: Елизавета Австрийская, супруга императора Франца Иосифа, и Елизавета Гессенская. Она была ослепительно красива, это признавали все, но сквозь телесную красоту сквозила и необыкновенная красота души и одухотворенность, что и создавало тот неповторимый пленительный образ, который делал ее ослепительной и не похожей ни на кого. Великий князь Константин Константинович Романов, двоюродный дядя Николая II, писавший под псевдонимом К. Р., воспел ее в прекрасных стихах:

Я на тебя гляжу, любуюсь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно, под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!
Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как Ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.
Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту.
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

Архиепископ Анастасий (Грибановский), писавший об Элле, которую он знал уже как великую княгиню Елизавету, тоже подчеркивает ее душевную красоту, пленявшую даже больше телесной: «Самый внешний облик ее отражал красоту и величие ее духа: на челе ее лежала печать прирожденного высокого достоинства, выделявшего ее из окружающей среды. Напрасно она пыталась иногда под покровом скромности утаиться от людских взоров: ее нельзя было смешать с другими. Где бы она ни появлялась, о ней всегда можно было спросить: *Кто эта блистающая, как заря... светлая, как солнце?* (Песн. 6, 10). Она всюду вносила с собой чистое благоухание лилии; быть может, поэтому так любила белый цвет – это был отблеск ее сердца...» А вот слова из воспоминаний графини Марии Белевской-Жуковской: «Она поражала своим внешним обликом, выражением лица: это была сама скромность, необыкновенно естественна – не сознавая того, она была исключительна. Глубоко вдумчивая, всегда спокойная, ровная». Может быть, именно с этим связаны трудности при написании ее портретов – недаром художники утверждают, что чем сложнее и многограннее личность, тем труднее добиться сходства портрета с оригиналом. Ни одна фотография, ни один портрет не могли в полной мере передать красоту великой княгини Елизаветы Федоровны. Существует считанное число ее удачных фотографий, да и то на них она обычно изображена вполоборота и по ним нельзя назвать ее красоту необыкновенной. Видимо, все обаяние великой княгини заключалось в красоте души, сиянии глаз, простой и изящной манере, доброте и внимании к людям.

Элла в юности

Принцесса Элла Гессенская. Фотография с дарственной надписью великому князю Сергею Александровичу. Лондон, 1882 г.

Довольно рано Элле начали делать предложения лучшие женихи Европы; одним из них был даже будущий кайзер Германии Вильгельм II, который тогда считался легендой и мечтой всех невест Европы. На этом браке особенно настаивала бабушка Эллы, английская королева Елизавета. Когда при их личной встрече в очередной раз зашел разговор об этом, Элла сказала: «Но, ваше величество, позволю себе напомнить, что есть Бог, не лучше ли положиться на Его волю?» Королева на это улыбнулась: «У Него может быть много других дел, кроме твоего устройства». – «Ничего, – твердо отвечала будущая русская великая княгиня, – я подожду». И королеве Виктории, этой властной и решительной женщине, пришлось смириться. Сердце Эллы уже было отдано другому.

Со своим будущим мужем Элла познакомилась тогда, когда они оба были еще детьми. Матери великого князя Сергея Александровича императрице Марии Александровне, урожденной принцессе Дармштадтской, был вреден Петербург (она болела туберкулезом), и она часто вместе с детьми ездила за границу для лечения и в гости к родственникам. Так во время очередного посещения Дармштадта познакомились и подружились Сергей и Элла, и эта детская привязанность впоследствии переросла в любовь, которой великая княгиня Елизавета Федоровна осталась верна до самой смерти. В 1882 году Сергей Александрович сделал ей предложение. Элла размышляла больше года, прежде чем принять его, далеко не последнее место в этих размышлениях занимал тот детский обет девства, который дала Элла в далеком 1873 году. Но, в конце концов, она все же согласилась: после откровенной беседы с Сергеем Александровичем выяснилось, что и он тайно дал обет девства. По взаимному согласию они решили, что брак их будет духовным и они будут жить вместе как брат с сестрой.

Семья Эллы хорошо приняла будущего родственника. Ее отец говорил Александру III: «Я дал свое согласие не колеблясь. Я знаю Сергея с детского возраста, вижу его милые,

приятные манеры и уверен, что он сделает мою дочь счастливой». Вообще, люди, близко знавшие Сергея Александровича, рисуют характер, вызывающий очень большую симпатию, хотя это и было очевидно не для всех, потому что великий князь бы немного застенчив, а потому жил довольно замкнуто, даже искал одиночества, раскрывая свое сердце лишь немногим близким ему по духу людям. Не могла не сказаться на его характере и болезнь позвоночника, из-за которой Сергей с детства всю жизнь был вынужден носить корсет (очень прямую до неестественности осанку князя отмечали многие мемуаристы, часто объясняя ее как проявление высокомерия).

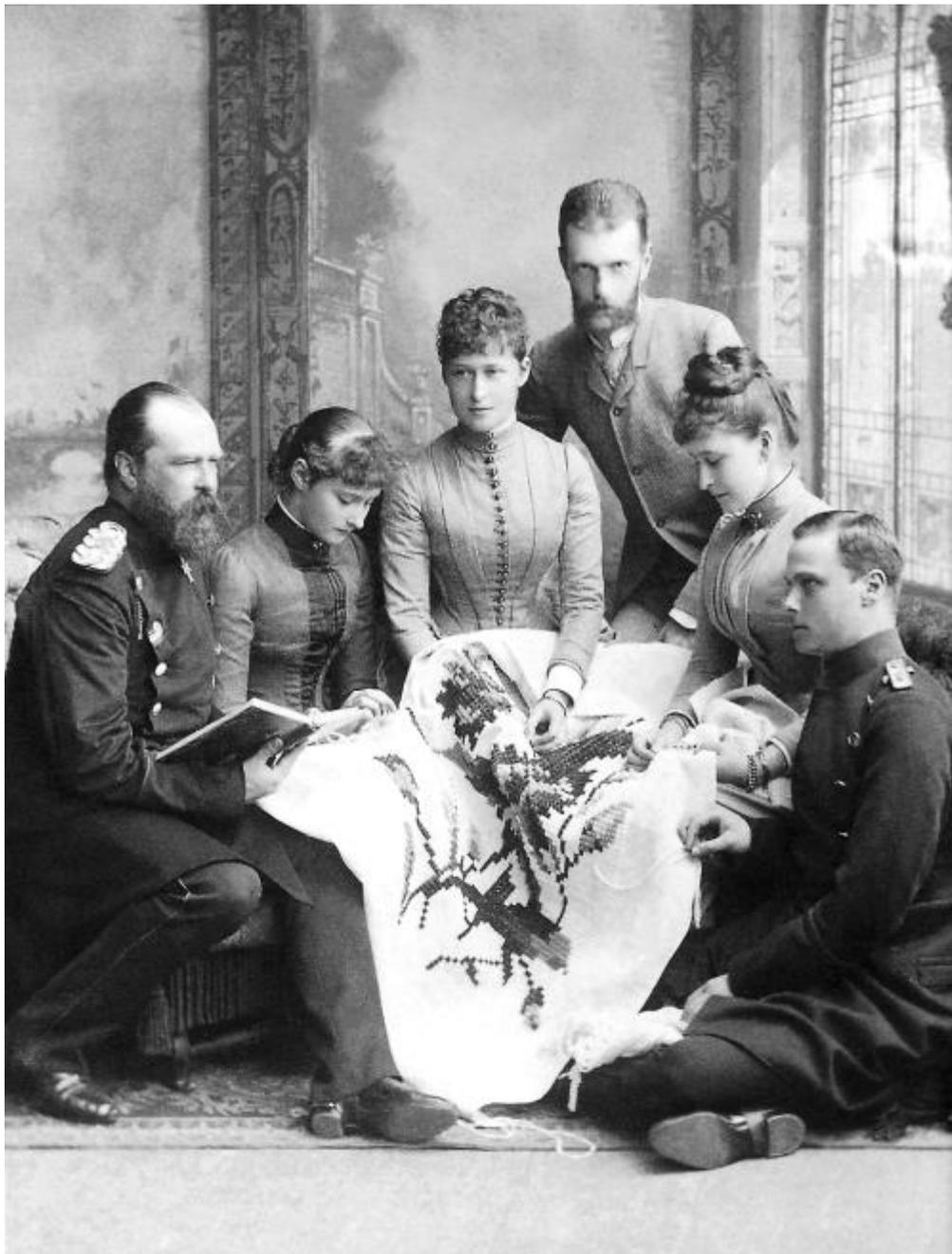
Великий князь Сергей Александрович

Брат Елизаветы Федоровны пишет про него, что, когда «он напрягался, взгляд его становился жестким. Поэтому у людей складывалось неверное впечатление. В то время как его считали холодным гордецом, он помогал очень многим людям, но делал это в строгой тайне». Так, например, он устроил детский приют, общежитие для студентов Императорского Московского университета, а уже позже, при своем вступлении в должность генерал-губернатора, он пожертвовал в пользу бедняков столицы огромную по тем временам

сумму – пять тысяч рублей. Его отличали скромность и личный аскетизм. В огромном отцовском дворце юный Сергей занимал всего лишь одну комнату вместе со своим братом Павлом. Главную особенность ее интерьера составляло множество икон. С самыми любимыми из них Сергей никогда не расставался: они были с ним во всех его продолжительных паломнических поездках. Икону да еще полумантию преподобного Серафима, полученную от своей матери, Сергей Александрович считал своим главным богатством.

Хотя семья Эллы и хорошо приняла Сергея Александровича, но тем не менее отпустили ее не без опасений в огромную северную страну, к незнакомым нравам и обычаям. Но сама Элла без страха смотрела в будущее. Она говорила своему брату Эрнесту: «Я жду встречи с Россией. Многие считают ее странной. А мне кажется, я люблю ее». В сентябре 1883 года Сергей и Элла обручились, а свадьбу назначили на 3 июня 1884 года (на день всех святых). Элле было тогда 20 лет.

Поезд, привезший Эллу и всю герцогскую семью в Россию, был украшен великокняжеским штандартом и белыми оранжерейными цветами: Сергей Александрович, зная, как она их любит, распорядился украсить все ее вагоны душистыми цветами исключительно белого цвета. По пути следования были организованы торжественные встречи, служились молебны. Запах ладана, сияние церковной утвари и облачений священства, певучие слова молитв, произносимых на непонятном языке, заморозили Эллу.

Принцесса Элла (сидит справа от Сергея Александровича) с женихом в кругу семьи. Дармштадт, 1883 г.

Большая романовская семья очень сердечно приняла ее, все были от нее в восторге. В письме к бабушке она пишет: «Рада сообщить, что наше путешествие совсем не было утомительным... Вся семья очень добра к нам, и это несколько облегчает расставание, хотя бывают моменты, когда меня охватывает сильная грусть».

А вот восторженное воспоминание великого князя Александра Михайловича о приезде его будущей родственницы: «Редкая красота, замечательный ум, тонкий юмор, ангельское терпение, благородное сердце – таковы были добродетели этой удивительной женщины... С того момента, как она прибыла в Санкт-Петербург из родного Гессен-Дармштадта, все влюбились в “тетю Эллу”. Проведя вечер в ее обществе и вспоминая ее глаза, цвет лица, смех, способность создавать вокруг себя уют, мы приходили в отчаяние при мысли о ее близкой помолвке».

Так как жених и невеста принадлежали к разным вероисповеданиям (от невесты великого князя, не наследовавшего престол, законы Российской империи не требовали обязательного перехода в Православие), бракосочетание Сергея и Эллы происходило по двум обрядам – православному и протестантскому. Православное венчание произошло в придворной церкви Зимнего дворца в Санкт-Петербурге во имя Спаса Нерукотворного, а протестантское – в Александровском зале дворца. Отныне Элла становится великой княгиней Елизаветой Федоровной.

Все отмечали неземную красоту и нежность царственной пары. Невеста была ослепительна: в платье из серебряной парчи, горностаевой мантии и бриллиантах Екатерины II. По мнению присутствовавших, княгиня Елизавета была самой красивой невестой, когда-либо венчавшейся в придворной церкви. Сохранились воспоминания великого князя Константина Константиновича об этом событии: «...Скоро подошел поезд невесты, пишет он. Она показалась рядом с императрицей и всех нас словно солнцем ослепило. Давно я не видел подобной красоты. Она шла скромно, застенчиво, как сон, как мечта». Жених тоже был красив: высокого роста, стройный, белокурый, с тонкими чертами лица, красивые светло-зеленые глаза вдумчиво смотрели из-под его белесых бровей. Вместе они составляли, несомненно, прекрасную пару.

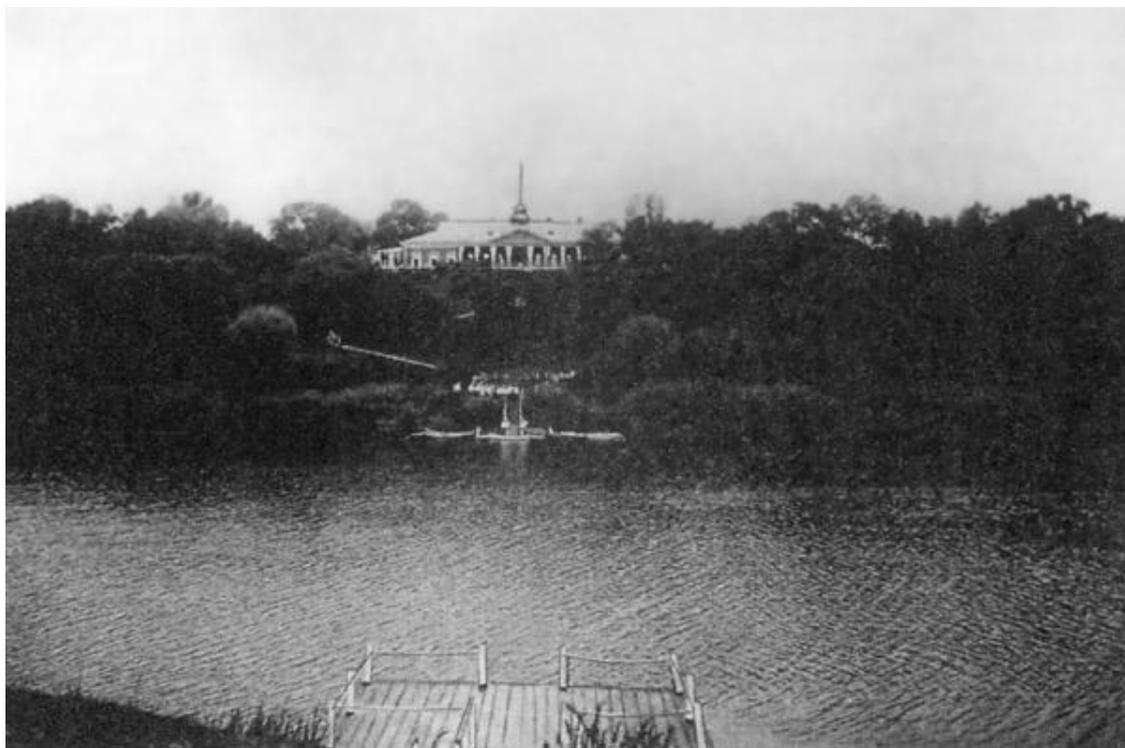
В день венчания. Рисунок 1884 г.

Во время венчания и на свадебных торжествах присутствовала и вся семья Елизаветы Федоровны, в том числе и ее младшая сестра Аликс, казавшаяся уменьшенной копией невесты. Тогда ей было двенадцать лет. Именно тогда начались дружеские отношения принцессы Аликс и цесаревича Николая Александровича, закончившиеся затем счастливым браком.

Глава 2 Великая княгиня Елизавета

Начало семейной жизни

Сразу после свадьбы молодожены уехали в Москву, а затем в Троице-Сергиеву Лавру поклониться мощам небесного покровителя Сергея Александровича преподобного Сергия. Протестантская принцесса упала на колени, молясь около раки отца-основателя русского народа, покровителя ее мужа. Затем молодые уехали в село Ильинское, находящееся в шестидесяти километрах от Москвы, на берегу Москвы-реки, и пробыли там с небольшими перерывами до осени.

Село Ильинское. 1900-е гг.

Село Ильинское – древнее имение семьи Романовых. Еще во времена Ивана Грозного оно было центром вотчины бояр Романовых и досталось царю Михаилу Федоровичу по праву наследства. В общей сложности Романовы владели Ильинским 150 лет. Это имение, связанное для Сергея Александровича со счастливыми воспоминаниями детства, стало любимым местом отдыха великокняжеской четы. Старый барский дом, смотревший на Москву-реку, был обставлен скромно и уютно. В огромном парке располагались павильоны с забавными названиями, порожденными эпохой сентиментализма, – «Приют друзей», «Не чуй горя». Впоследствии Сергей Александрович начал разводить здесь крупнорогатый скот, устроил конный завод для лошадей арденнской породы, обстроил усадьбу.

В кругу семьи. Ильинское, 1896 г.

Здесь Сергей Александрович и Елизавета Федоровна во время своей совместной жизни проводили большую часть года. Здесь устраивались балы, гуляния, домашние театральные постановки. Жизнерадостная Елизавета Федоровна своими праздниками на катке вносила юный задор в жизнь императорской семьи. Довольно быстро у молодой четы появился круг друзей, которые любили бывать у них. Элла великолепно справлялась с ролью хозяйки дома. Здесь любил бывать наследник Николай, а когда в дом великого князя приехала двенадцатилетняя Алиса, он стал приезжать еще чаще.

Домашний спектакль «Евгений Онегин». В роли Татьяны Лариной – великая княгиня Елизавета Федоровна, Онегина играет цесаревич Николай Александрович. 1890 г.

Но в Ильинском великая княгиня не только развлекалась. Вскоре после свадьбы она обошла дома крестьян в имении и ужаснулась. Бедность, серость, отсутствие элементарной медицинской помощи... По ее настоянию Сергей Александрович срочно выписывает акушера для своих крестьянок, а в дальнейшем в Ильинском была устроена и больница. Среди местных жителей до сих пор жива память о веселых ярмарках, которые устраивала для крестьян Елизавета Федоровна в престольный праздник церкви села – Ильин день (2 августа), и делаемых ею подарках. Гости великокняжеской четы покупали всевозможные изделия местных умельцев.

«У них прелестные отношения, – говорит о молодых супругах великий князь Константин Романов. – Он ежечасно благодарит Бога за свое счастье». А Елизавета Федоровна так писала отцу о своем муже: «Сергей – это человек, которого чем больше узнаешь, тем больше любишь».

Великий князь относился к жене как к ангельскому созданию, которого не должны касаться мирские дела, и как к нежно любимой женщине, которую надо оберегать от любых тревог и волнений. В своих воспоминаниях Мария Павловна, воспитанница Сергея и Елизаветы, пишет о том, что дядя обычно после завтрака сам отдавал распоряжения на день и бывал очень недоволен, если тетя вмешивалась в домашние дела.

Сергей Александрович был старше жены на семь лет и поэтому во многом относился к ней по-отечески бережно и заботливо, как к прекрасному ребенку, даже баловал ее. Когда великий князь Константин Константинович, с которым Сергей Александрович был очень

друзен с детства, восхитился обилием зеркал в Сергиевском дворце и удачным их расположением, Сергей Александрович ответил: «Думаю, ее высочество достойна того, чтобы быть отраженной миллионы раз».

Французский посол Морис Палеолог вспоминает, что Сергей Александрович руководил чтением жены, отбирая для нее литературу, не позволял ей выезжать одной, следил за тем, чтобы она не оставалась долго наедине с кем бы то ни было, и отчитывал ее за неосторожное поведение. «Однажды, после жестокой сцены со стороны великого князя, – пишет он в своих воспоминаниях, – у старого князя Б., присутствовавшего при ней, вырвалось несколько слов сочувствия молодой женщине. Она возразила ему удивленно и искренно: “Но меня нечего жалеть. Несмотря на все, что можно обо мне говорить, я счастлива, потому что очень любима”».

Великая княгиня Елизавета Федоровна с мужем

1880-е гг.

* * *

Сразу после свадьбы Елизавета Федоровна под руководством мужа с головой ушла в изучение русского языка, истории русского государства и Церкви. Великая княгиня напряженно занималась русским языком, желая глубже изучить культуру и особенно веру своей новой родины. Ее упорство и целеустремленность помогли быстро овладеть не только русским, но и церковнославянским, что дало возможность читать первоисточники.

Сергею Александровичу было тем легче открывать жене все сокровища родной ему культуры, что, по отзывам современников, сам он был одним из самых образованных людей своего времени. Он очень хорошо владел не только языками – немецким, английским, французским, но мемуаристы отмечали также его глубокие познания в области истории и литературы, особенно родных, а также изобразительных искусств, в первую очередь живописи, любовь к которой перешла к нему от матери. Воспитанный с детства в любви ко всему русскому, национальному, великий князь предпочитал из всех художников В. М. Васнецова и покупал его полотна. «У него была довольно сильная художественная восприимчивость», – вспоминал М. Палеолог.

Историю он знал великолепно. Митрополит Анастасий (Грибановский) рассказывает о споре, возникшем между Сергеем Александровичем и Римским Папой, произошедшем во время пребывания великого князя в Ватикане. Спорили о количестве пап с именем Сергей за всю историю христианства. Победителем в этом состязании вышел великий князь.

Значительную часть досуга Сергея Александровича занимало чтение. Он был страстным любителем литературы и первым из всей царской семьи оценил талант Достоевского, которого очень любил, другими любимыми авторами его были Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Майков, Фет, а из духовных писателей – преподобный Ефрем Сириин. Через Сергея Александровича к великой русской литературе стала приобщаться и Елизавета Федоровна, которой он много читал сам.

Он любил русские древности и предпринимал раскопки по России, слушал курс отечественной археологии. В 1889 году Сергей Александрович провел раскопки близ Ильинского и сделал доклад о результатах на одном из заседаний Московского Археологического Общества, почетным членом которого он был. Брат Елизаветы Федоровны Эрнст Людвиг вспоминал про него так: «Он был удивительно начитанным и человеком очень высокой культуры». По устоявшейся традиции Сергей Александрович получил и военное образование. В возрасте двадцати лет он участвовал в Русско-турецкой войне и был удостоен боевой награды за храбрость – ордена Святого Георгия IV степени.

Путь к Православию

У Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны было удивительное душевное единство. Но, как уже говорилось, супруги принадлежали к разным религиям. Очень скоро это обстоятельство стало для Сергея Александровича причиной тайных душевных страданий. Однако ни единым словом он не обмолвился о них. Святой праведный Иоанн Кронштадтский, которому великий князь поведал о своей горе, сказал ему так: «Оставь ее, не говори с ней о нашей вере, она придет к ней сама». Сергей Александрович внял этому мудрому совету. Молясь и веруя, он терпеливо ожидал того момента, когда душа супруги озарится светом Православия. Но только спустя семь лет произошло это радостное событие.

Сам великий князь Сергей Александрович был глубоко религиозным человеком и сознательно православным христианином. Несмотря на формальное отношение к религии, царившее в придворных кругах того времени, когда считались нормальными громкие разговоры и смех во время службы, глубоко верующая императрица Мария Александровна сумела привить религиозные чувства и своим детям. Под воскресенья, царские дни и большие праздники вся семья обязательно посещала всенощную. Мария Александровна не терпела баловства, особенно когда речь шла о поведении в храме. В заграничные поездки она возила с собой походную церковь, и когда дети ездили с нею, они могли петь вместе с хором.

Отец Иоанн Кронштадтский

При выборе наставников для детей первым ее условием было следующее: «Если в его душу запала хотя малейшая капля протестантизма, то мы не сойдемся». Мария Александровна внимательно, но не назойливо следила за духовной жизнью детей. Она читала вместе с ними духовную литературу и беседовала о значении Таинств, заботилась о благоговейном приготовлении к причастию, перед исповедью всегда говорила с каждым из детей наедине, горячо убеждая их не грешить. Благодаря такому настрою императрицы, говение в царской семье становилось временем настоящего нравственного очищения. Царских детей

воспитывали строго, запрещали капризы. Основным требованием к ним было соблюдение безусловной честности по отношению к родителям, окружающим и к Богу.

Неотъемлемой частью досуга семьи, в которой вырос маленький Сережа, были паломничества. Мария Александровна возила детей в Саввино-Сторожевский монастырь, в Ростов Великий к мощам святителя Димитрия Ростовского и, конечно, в Троице-Сергиеву Лавру, поездки туда были семейной традицией.

И семена такого воспитания в православном духе упали на добрую почву. Уже очень рано вкусил Сергей Александрович сладость молитвы. Слова молитв часто встречаются в его записных книжках.

Неудивительно поэтому, что то обстоятельство, что он и его супруга не могут причаститься из одной Чаши, очень огорчало великого князя. Благодаря рыцарскому благородству души и такту Сергея Александровича, Елизавета Федоровна искренне полюбила Россию, приняла православную жизнь. Ей всегда были свойственны мечтательность, вдумчивость, стремление к совершенству и поиски идеала. На богослужениях, стоя неподалеку от супруга и невольно постигая глубины его веры, Елизавета Федоровна могла сполна ощутить благодать русской религиозности.

Великий князь стремился одарить жену тем, что так любил сам. Он открыл ей любовь к паломничеству по святым местам, дальним лесным скитам, древним монастырям. Вместе они плыли по рекам, посещая обители и храмы, беседуя со старцами и простым народом. Любимыми ими обоими местами России, после Москвы и Троице-Сергиевой Лавры, стали Киев, Оптина и Зосимова пустыни, Саров, Псков, Урал, Верхотурье, Вологда, Соловецкий монастырь. В 1892 году состоялось верхневолжское паломничество великокняжеской четы, во время которого Сергей Александрович и Елизавета Федоровна посетили святыни Ярославля, Рыбинска, Углича, Ростова Великого.

«Сергей воспитал меня», – призналась в одном из своих писем княгиня. «Господь дает мне силы, – находим в другом письме, – чтоб никто не смог сказать, что я оказалась недостойной водительства такого истинно благородного мужа и настоящего христианина».

Великокняжеская чета на крестном ходе в Троице-Сергиевой Лавре

Сама красота православного Таинства Венчания не могла не произвести впечатления на чуткую и любящую все прекрасное душу великой княгини. Красота православного храма, так непохожего на протестантскую кирху, величественность и древность обряда венчания, русская церковная служба словно ангельское прикосновение поразили Елизавету, и она уже не смогла забыть этого чувства всю свою жизнь.

У нее возникло неодолимое желание познать суть этой загадочной страны, самую сердцевину ее культуры – одушевлявшую ее Православную веру. Она видела радостное состояние Сергея Александровича после принятия им Святых Христовых Таин, и ей самой захотелось подойти к Святой Чаше, чтобы разделить эту радость. Елизавета Федоровна стала просить мужа достать ей книги духовного содержания, православный катехизис и толкование Писания, чтобы умом и сердцем постичь, какая же вера истинна. И облик ее стал меняться: из холодноватой немецкой красавицы княгиня постепенно превращалась в одухотворенную, всю как будто светящуюся внутренним светом женщину.

Беззаветная любовь к супругу, стремление жить одной жизнью, жизнью его души и духа, поможет молодой женщине преодолеть барьер, казавшийся непреодолимым, все немыслимые преграды и искушения на этом пути. И ее заветная мечта сбудется – она сможет причаститься Святых Таин вместе с мужем и со всей Православной Церковью в Великий Четверг, день воспоминания Тайной Вечери. Но это будет еще не скоро – спустя долгие семь лет...

Паломничество на Святую Землю

За три года до свадьбы, в 1881 году, по указанию отца, императора Александра II, Сергей Александрович был избран принять участие в организации Императорского Православного Палестинского Общества, а в следующем, 1882 году, стал его председателем. Главной целью Общества была организация паломничеств русских людей на Святую Землю, сбор средств для паломников, а также для помощи Русской Миссии в Палестине, для расширения миссионерской работы, для приобретения земель и памятников, связанных с событиями, священными для каждого христианина. С помощью Императорского Православного Палестинского Общества, например, были выкуплены такие библейские святыни, как Мамврийский дуб, часть горы Голгофы и Гефсиманский сад. Палестинское Общество занималось также научно-исследовательской, благотворительной и просветительской деятельностью.

В обязанности Сергея Александровича как председателя Общества входили такие дела, как организация паломничеств на Святую Землю, приобретение недвижимости, сохранность реликвий, строительство, миссионерство, изучение археологического наследия, подготовка специалистов и многое-многое другое. Это была серьезнейшая работа, связанная, по сути, с основами русской государственности. Выйдя замуж за великого князя Сергея, Елизавета Федоровна приняла живейшее участие и в этих заботах своего супруга, стремясь во всем быть полезной ему.

В 1888 году император Александр III поручил Сергею Александровичу быть его представителем на освящении храма святой Марии Магдалины в Гефсимании, построенного на Святой Земле в память их матери, императрицы Марии Александровны. Узнав о возможности посетить Святую Землю, Елизавета Федоровна восприняла это как указание Божие и молилась о том, чтобы там, у Гроба Господня, Спаситель Сам открыл ей Свою волю. И действительно, эта поездка стала воистину судьбоносной для обоих, направляя оба их пути в одно русло – к подвижничеству и мученичеству.

Августейшие паломники у храма св. Марии Магдалины в Гефсимании (Елизавета Федоровна третья слева). 1888 г.

Великокняжеская чета прибыла в Палестину в октябре 1888 года, совершив долгое путешествие через Киев и Одессу. Они начали свое паломничество с города Назарета, затем посетили святую гору Фавор и оттуда прибыли в Иерусалим. Храм святой Марии Магдалины был построен в Гефсиманском саду у подножия Елеонской горы. Этот пятиглавый храм с золотыми куполами – и до сего дня один из красивейших храмов Иерусалима. На вершине Елеонской горы высилась огромная колокольня, прозванная «русской свечой». Увидев эту красоту и почувствовав присутствие на этом месте благодати Божией, княгиня сказала: «Как я хотела бы быть похороненной здесь». Тогда она не знала, что произнесла пророчество, которому суждено было исполниться. В дар храму святой равноапостольной Марии Магдалины Елизавета Федоровна привезла драгоценные сосуды, Евангелие и воздухи.

Молодая чета Романовых побывала также в Кане Галилейской и поклонилась величайшим святыням Гроба Господня. Непосредственная близость святых мест, где произошли самые важные для каждого христианина евангельские события, и торжественные православные службы потрясли Елизавету Федоровну до глубины души. «Это как сон – видеть все эти места, где наш Господь страдал за нас, и также огромное утешение – приехать в Иерусалим, – пишет она своей бабушке королеве Виктории. – Я рада, что страна соответствует настроению мыслей... и можно тихо молиться, вспоминая слышанное маленьким ребенком, когда все это воспринималось с таким благоговейным трепетом». Взвизывая на древние святыни, она ощущала дыхание веков и таинственное, животворящее духовное родство с Господом Иисусом Христом, Который все

больше и больше понимался ею в неразрывной связи с Православием.

Именно посещение Святой Земли подвело окончательную черту под решением великой княгини добровольно перейти в спасительную полноту Православия.

Переход в Православие

После посещения Святой Земли княгиня Елизавета Федоровна твердо решила перейти в ту веру, которую исповедовал ее муж. Отвечая ее желанию ближе узнать основы Православия, чтобы, как она говорила, «все видеть открытыми глазами», Сергей Александрович начал изучать с ней духовную литературу. Он всегда был сторонником строгого и точного знания учения Православной Церкви и считал, что «это понимание должно сознательно убедить человека в сродности души человеческой в ее лучших стремлениях с учением Православной Церкви и заставить полюбить ее». Так и случилось с его супругой – она всей душой полюбила Православную веру, и от перехода в Православие ее удерживал теперь только страх причинить боль своим родным, и прежде всего отцу. Наконец, 1 января 1891 года, она написала отцу письмо о своем решении принять Православную веру. Мы приведем его почти полностью, потому что из него видно, какой путь прошла Елизавета Федоровна:

«...А теперь, дорогой Папа, я хочу что-то сказать Вам и умоляю Вас дать Ваше благословение. Вы должны были заметить, какое глубокое благоговение я питаю к здешней религии с тех пор, как Вы были здесь в последний раз, более полутора лет назад. Я все время думала и читала и молила Бога указать мне правильный путь, и пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти всю настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином. Это было бы грехом оставаться так, как я теперь, – принадлежать к одной Церкви по форме и для внешнего мира, а внутри себя молиться и верить так, как и мой муж. Вы не можете себе представить, каким он был добрым: никогда не старался принудить меня никакими средствами, предоставляя все это совершенно одной моей совести. Он знает, какой это серьезный шаг и что надо было быть совершенно уверенной, прежде чем решиться на него. Я бы это сделала даже и прежде, только мучило меня то, что этим я причиняю Вам боль. Но Вы, разве Вы не поймете, мой дорогой Папа?

Вы знаете меня так хорошо, Вы должны видеть, что я решилась на этот шаг только по глубокой вере и что я чувствую, что пред Богом я должна предстать с чистым и верующим сердцем.

Как было бы просто – оставаться так, как теперь, но тогда как лицемерно, как фальшиво это было бы, и как я могу лгать всем – притворяясь, что я протестантка во всех внешних обрядах, когда моя душа принадлежит полностью религии Православной. Я думала, и думала глубоко обо всем этом, находясь в этой стране уже более шести лет и зная, что религия найдена. Я так сильно желаю на Пасху причаститься Святых Таин вместе с моим мужем. Возможно, что это покажется внезапным, но я думала об этом уже так долго и теперь, наконец, я не могу откладывать этого. Моя совесть мне этого не позволяет. Прошу, прошу по получении этих строк простить Вашу дочь, если она Вам доставит боль. Но разве вера в Бога и вероисповедание не являются одним из главных утешений этого мира? Пожалуйста, протелеграфируйте мне только одну строчку, когда Вы получите это письмо. Да благословит Вас Господь. Это будет такое утешение для меня, потому что я знаю, что будет много неприятных моментов, так как никто не поймет этого шага. Прошу только маленькое ласковое письмо».

Вот еще отрывок из ее письма того времени:

«...Моя совесть не позволяет мне продолжать в том же духе – это было бы грехом; я лгала все это время, оставаясь для всех в моей старой вере... Это было бы невозможным для меня продолжать жить так, как я раньше жила... Даже по-славянски я понимаю почти все, хотя никогда не учила этот язык. Библия есть и на славянском, и на русском языке, но на последнем легче читать... Ты говоришь... что внешний блеск церкви очаровал меня. В

этом ты ошибаешься. Ничто внешнее не привлекает меня, и не богослужение, – но основа веры. Внешнее только напоминает мне о внутреннем... Я перехожу из чистого убеждения, чувствую, что это – самая высокая религия и что я сделаю это с верой, с глубоким убеждением и уверенностью, что на это есть Божие благословение».

К сожалению, отец не послал дочери желаемой телеграммы с благословением, а написал письмо, в котором говорил, что решение ее приносит ему боль и страдания и что он не может дать своего благословения на этот шаг.

Несмотря на то, что этот ответ причинил Елизавете Федоровне сильную душевную боль, она проявила большое мужество и, несмотря на моральные страдания, не поколебалась в решении перейти в Православие. Великая княгиня по своему духовному устройению, и особенно по требовательности к себе, отличалась прекрасным максимализмом. Половинчатость и неопределенность были ей совершенно чужды. Она принадлежала к той редкой категории людей, которые, будучи исполнены истинно апостольского горения духа, оставляли все и шли за Христом до конца. Немалую отраду ей принесло и то, что из всех родственников две Виктории – бабушка и сестра – все же одобрили ее выбор и старались поддержать в этом решении.

Виктория Баттенбергская в гостях у сестры. 1912 г.

Весной 1891 года сильное желание причаститься на Пасху Святых Христовых Таин вместе с дорогим Сергеем, испытать радость, которой она доселе была лишена, побудило Елизавету Федоровну принять долгожданное решение. Когда она сообщила о своем намерении супругу, то он невольно заплакал от счастья. Ценным свидетельством этого времени является обнаруженное в архиве письмо Сергея Александровича от 12 февраля 1891 года, которое мы приводим полностью.

«Дорогая Тетя, – пишет он великой княгине Александре Иосифовне, – зная, как ты всегда была добра ко мне и к моей жене, не могу удержаться и не сообщить тебе великой радости, в которой, я уверен, ты примешь живое участие. Моя жена решилась принять Православие. Она это делает с глубоким чувством, твердостью и уверенностью – это такие счастливые мгновенья! Уже более года, что она в первый раз со мною об этом заговорила. Мы много читали вместе и изучали катехизис. Должен прибавить, что все шло от нее, я же ей только помогал, но вовсе не заставлял, ибо мне кажется, что это очень важно. Я уверен, что ты, дорогая Тетя, как и я, подумаешь о Маме и как она была бы счастлива этому событию; впрочем, я уверен, что и это случилось ее молитвами. Обряд перехода жена желает совершить перед Пасхой, вероятно, у нас в церкви. Нежно целуем твои ручки и шлем привет Дяде. Твой Сергей».

Ранним утром 13 апреля, в Лазареву субботу, в домовый церкви Сергиевского дворца в Санкт-Петербурге над великой княгиней Елизаветой Федоровной было совершено Таинство Миропомазания с оставлением ей прежнего имени, но уже в честь святой праведной Елизаветы – матери святого Иоанна Предтечи, память которой Православная Церковь совершает 5 (18) сентября. Присутствовали только ближайшие члены императорской семьи. После Миропомазания император Александр III благословил свою невестку драгоценной иконой Нерукотворного Спаса, с которой Елизавета Федоровна не расставалась всю жизнь и с ней на груди приняла мученическую кончину. «Вчерашний день был знаменателен для нашего Дома, – читаем в дневнике великого князя Константина Константиновича. – Элла присоединилась к Православию. Она сделала это не из каких-нибудь целей, а по твердому убеждению, после двухлетнего размышления». В Великий Четверг Елизавета Федоровна впервые вместе со своим супругом причастилась Святых Таин. Теперь она могла сказать своему супругу словами Библии: *Твой народ стал моим народом, твой Бог – моим Богом* (Руф. 1, 16). «Иметь одинаковую религию с мужем – это такое счастье», – скажет она.

Литография с рисунка великой княгини Елизаветы Федоровны, изданная к 25-летию ее перехода в Православие и приезда в Москву

В память об этом дне Сергей Александрович подарил своей супруге золотой медальон с эмалевым изображением Спасителя в византийском стиле. На створках были выгравированы надписи «Аз есмь Путь и Истина и Живот» и «Не бойся, токмо веруй». Эти евангельские слова стали как бы заветом для всей ее дальнейшей жизни.

Переход в Православие убедительно свидетельствовал о силе характера великой княгини, о ее духовной мудрости, о цельности натуры и незаурядном личном мужестве. Сложно и подчас невероятно мучительно расставаться с теми духовными ценностями, которые для тебя уже давно стали родными и привычными, как дыхание. И все же рано или поздно наступает момент, когда необходимо сделать выбор: или познать полноту истины во Христе и перейти для этого на новый, несравнимо более высокий уровень духовного роста, или же довольствоваться малым, оставив все как есть, и уже никогда не стремиться ввысь. Княгиня

Елизавета Федоровна без сомнений и колебаний выбрала первое и никогда потом об этом не жалела.

Глава 3 Супруга генерал-губернатора

Первая леди Москвы

В том же 1891 году император Александр III назначил великого князя Сергея Александровича московским генерал-губернатором. Это назначение было закономерным. Сергея Александровича с детства интересовала и влекла к себе Москва, город русской древности и древнего русского благочестия, в котором все было так непохоже на холодноватый европейский Петербург. Многих знакомых и близких удивила просьба восьмилетнего Сережи показать ему в Москве вместо развлечений архиерейское богослужение в Кремле. Тогда Сергей вместе со своим наставником отстоял желанную службу в Алексеевском храме Чудова монастыря – в том самом храме, где сорок лет спустя с великим князем будет прощаться Москва.

Очарованием древней Москвы, ее уклада, ее старинного патриархального быта и ее монастырей и церквей прониклась и княгиня. В этом городе она почувствовала что-то настоящее, какой-то дух и суть ее новой родины. Она везде следовала за своим мужем и полностью выстаивала долгие церковные службы.

Назначение мужа на пост генерал-губернатора накладывало на Елизавету Федоровну определенные обязательства – она становилась первой дамой Москвы. Супруга генерал-губернатора должна была исполнять множество обязанностей: шли постоянные приемы, концерты, балы. Необходимо было бывать на приемах и устраивать их у себя, улыбаться гостям, танцевать и вести беседы, независимо от настроения, состояния здоровья и желания. Это означало полную перемену всего уклада жизни Елизаветы Федоровны. Этот тяжелый для нее период омрачился также смертью горячо ею любимого отца (13 марта 1892 года). Здоровье Елизаветы Федоровны оказалось подорванным, у нее начались мигрени.

Но случались и радости. Так, например, в 1894 году произошло радостное для Елизаветы Федоровны событие, которое было знаменательно и для всей России, – ее младшая сестра Аликс, несмотря на множество препятствий, приняла Православие и стала супругой императора Николая II. Елизавета Федоровна знала о том, что Аликс и Ники давно влюблены друг в друга и радовалась счастью любимой сестры, к которой всегда относилась по-матерински, радовалась она и тому, что Аликс будет жить в России, которую сама уже успела полюбить всем сердцем. Елизавета Федоровна надеялась, что сестра, живя здесь, поймет и полюбит русский народ, овладеет русским языком в совершенстве и сможет узнать и всей душой полюбить Православную веру.

Листок, выпущенный к прибытию в Москву нового генерал-губернатора

Элла и Аликс с Николаем II. 1898 г.

Годы, проведенные Елизаветой Федоровной в Москве в качестве жены московского генерал-губернатора, были порой ее духовного расцвета и роста, именно в это время проявились и получили полное воплощение ее стремления и таланты.

Благотворительность и меценатство

Морис Палеолог пишет в своих воспоминаниях, что Елизавета Федоровна «усердно тратила средства на множество дел благочестия и милосердия, на школы... Живописная обстановка и нравственная атмосфера Москвы глубоко действовали на нее. Ей разъяснили однажды, что провиденциальной миссией царей является осуществление Царства Божия на Русской земле; мысль, что она, хотя бы и в малой части, содействует этой задаче, возбуждала ее воображение».

Жители Москвы скоро оценили милосердие великой княгини. Чуждая малейшего властолюбия, тщеславия, княгиня сердцем угадывала обездоленных и шла им навстречу, неся покой и надежду. Она ходила по больницам для бедных, в богадельни, в приюты для беспризорных детей. И везде старалась облегчить страдания людей: раздавала еду, одежду, деньги, улучшала условия жизни несчастных.

Знак Елизаветинской общины сестер милосердия. Такие жетоны выдавались тем, кто способствовал деятельности Общины личным трудом либо внес на благотворительные нужды не менее 10 рублей в кассу Общины

В январе 1892 года Елизавета Федоровна организовала Елизаветинское благотворительное общество, деятельность которого была направлена на то, чтобы «призывать законных младенцев беднейших матерей, дотоле помещаемых, хотя без всякого права, в Московский воспитательный дом под видом незаконных». Общество это в газете «Московские Церковные Ведомости» было названо «украшением Москвы» и «цветом христианского милосердия и просвещения». За 25 лет работы оно приняло участие в судьбе более девяти тысяч детей и выплатило матерям-вдовам 13 тысяч пособий на общую сумму 120 тысяч руб-

лей, многие его воспитанники смогли получить образование, профессию, начали самостоятельную жизнь. На содержание яслей и приютов Общество за годы своего существования израсходовало более миллиона рублей. Позже Елизавета Федоровна организовала общину сестер милосердия, которая получила название Елизаветинской.

Деятельность Общества вначале проходила только в Москве, а затем охватила и Московскую губернию. Елизаветинские комитеты были образованы при всех московских церковных приходах, а также во всех уездных городах Московской губернии, в их деятельности непосредственное участие принимала княгиня. Елизаветинское общество существовало только на благотворительные средства.

В ведении Елизаветы Федоровны также находились дом детских трудовых артелей, Московский совет детских приютов, вакансии в котором во время Первой мировой войны распределялись созданным великой княгиней Елизаветинским комитетом по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну. Наиболее крупные пожертвования сделала сама княгиня.

Кроме того, Елизавета Федоровна возглавила Дамский комитет Красного Креста, а после гибели супруга стала и председателем Московского управления Красного Креста. Посещения больниц для бедных, богаделен, приютов для беспризорных детей стали неотъемлемой частью жизни молодой великой княгини. По ее инициативе происходила регулярная раздача еды, одежды и денег особо нуждающимся.

Елизавета Федоровна была почетным председателем Дамского тюремного комитета, опекавшего детей, чьи матери отбывали наказание. Ею были организованы швейные мастерские для освобожденных из-под стражи женщин, где они получали жалованье и могли обеспечить одеждой себя и своих детей. Дамский комитет также организовал приют для освобожденных из тюрем женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.